

Глава 5

Хо Фэн отчётливо помнил их первую встречу — полусонный голос Цзянь Ияна и брошенные сквозь дрему слова: «Что так поздно на этот раз?»

На этот раз.

Такое не говорят при знакомстве. Значит, тот спутал его с кем-то другим.

По характеру Хо Фэн должен был развернуться и уйти — быть чьей-то тенью он не собирался ни при каких обстоятельствах. Однако вместо этого он остановился. Мало того — подвёз парня на своей машине. Дальнейшее стало само собой разумеющимся: молодой человек по имени Цзянь Иян без малейших колебаний принял его условия и в тот же день перебрался в поместье Хо. Лёгкость, с которой всё это произошло, невольно вызвала у Хо Фэна раздражение —

Ну что это за полное отсутствие осторожности?! Просто взял и пошёл?! Только потому что тот якобы похож на кого-то?!

И не с тем ли человеком уже случалось что-то подобное раньше?!

Последняя мысль была почти невыносимой. Хо Фэн начал исподволь проверять, до каких пределов готов зайти Цзянь Иян, — и с каждым разом сердце тяжело всё сильнее.

Он думал, что с него уже достаточно. Но за этим последовало нечто, переступившее последнюю черту.

Поцелуй. Накопившееся напряжение требовало выхода, и сдерживаемое прикосновение мало-помалу выходило за всякие рамки. Пространство между ними заполнилось чем-то томительным и острым. Физическая близость дала о себе знать неизбежно, и Хо Фэн не сомневался — тот прекрасно понимает, что будет дальше. Тем не менее Цзянь Иян лишь на мгновение позволил себе удивиться — и покорно закрыл глаза.

В разительном контрасте с жаром, почти обжигающим, из самых тёмных глубин стало подниматься что-то острое и ледяное. Невидимые грани этого холода кромсали сердце — снова и снова, оставляя кровоточащие следы, и даже дыхание стало отдавать чем-то металлическим.

Эта покорность Цзянь Ияна... они бывали вместе раньше.

Другой человек тоже когда-то касался этих мягких губ, касался каждого дюйма его кожи, был с ним куда ближе.

От этой мысли зубы Хо Фэна сжались так, что едва не хрустнули. Поцелуй превратился в укусы

— на шее Цзянь Ияна след за следом проступали всё более жёсткие отметины.

Белая стройная шея покрылась россыпью тёмных пятен, и это зрелище лишь раздувало в нём что-то тёмное. На мгновение в голове Хо Фэна мелькнула мысль — просто переломить этот тонкий стержень. Тогда ничто больше не потревожит его покой. Пальцы, сжимавшие запястье, непроизвольно сдавили крепче, зубы сомкнулись с силой — и на шее, уже усыпанной следами, остался глубокий след, выступивший кровью.

Тот наконец тихо вскрикнул и попытался пошевелиться.

Хо Фэн без труда пресёк это слабое сопротивление: теперь уже поздно жалеть.

...

Когда всё наконец кончилось, он притянул Цзянь Ияна к себе, повернув спиной.

Поза была неудобной — тот тихонько завожился в объятиях, пытаясь выразить своё недовольство. Хо Фэн прижал его ещё плотнее: только не сейчас. Он не хотел видеть его лица. Не хотел знать, что на нём отразится. Иначе он сам не поручится за себя.

За спиной Цзянь Ияна лицо Хо Фэна не выражало ни тени удовлетворения — лишь ледяная, неподвижная холодность.

Он держал его в объятиях — крепко, почти судорожно — и всё повторял про себя, как заклинание:

«Это не он. Не может быть он.»

«Человек из снов — ни в коем случае не Цзянь Иян.»

Хо Фэн понимал, почему это так важно было отрицать. Признать, что тот, кого он искал всю жизнь, — это и есть Цзянь Иян, значило собственноручно положить своё сердце перед человеком, которому оно безразлично. Такое унижение — вдавить собственную гордость в грязь — было для Хо Фэна невыносимым.

Значит, этим человеком не был и не мог быть Цзянь Иян.

Сны — лишь преломление реальности. Как можно увидеть во сне того, с кем никогда раньше не встречался, кто никак с тобой не пересекался? Просто Цзянь Иян немного похож на того, из снов. Он на мгновение спутал их — только и всего.

Эта железная логика убедила Хо Фэна, и напряжённые складки на лбу немного разгладились.

Окажись сейчас перед ним зеркало, он бы заметил: как бы он ни старался расслабить лицо — в глубине глаз по-прежнему стояла непроглядная тьма.

Но Хо Фэн убедил себя: он просто смотрит сквозь Цзянь Ияна — на кого-то другого.

Раз это лишь двойник, похожий внешне, то и мысли Цзянь Ияна не имеют значения. Кого бы тот ни держал в своём сердце, на кого бы ни смотрел сквозь него — это его не касается. Такие мелочи не стоят ни секунды его внимания.

Кулак Хо Фэна, сжатый до белых костяшек, вонзал ногти в ладонь. Мышцы предплечья натянулись так, что под кожей проступили вены.

Хо Фэн этого не замечал.

*

Цзянь Иян, чья поясница ныла так, словно его хорошенько приложили об стену, понятия не имел о внутренних терзаниях великого президента Хо. Он думал о другом: главный герой-уже уже вернулся на родину, а значит, ему — этому ничтожному пушечному мясу — пора приниматься за работу и честно выполнять своё предназначение: чинить препятствия на извилистом пути главного героя к возлюбленному.

При этой мысли Цзянь Иян испустил глубокий тяжёлый вздох.

Всё хорошее заканчивается: настоящая любовь Хо Фэна вернулась, а значит, дни, когда он мог разгуливать в статусе двойника, сочтены. Стоило только представить, как стремительно падает его уровень жизни и как скоро он станет всеобщим посмешищем, — и на душе делалось тоскливо.

Впрочем, работа есть работа, и не всегда она приносит удовольствие. Цзянь Иян давно привык к таким перепадам.

В конце концов, стоит завершить это задание и выйти из персонажа — и уже в следующем мире он снова окажется двойником, которого избранник судьбы будет носить на руках (...). Если смотреть под таким углом — горькое и сладкое всё-таки чередуются, пусть и своеобразным образом.

(... Хотя когда в следующем мире объявится настоящая любовь — его снова ждёт незавидная участь.)

Завершив психологическую подготовку, Цзянь Иян наконец перешёл к делу.

Итак, первый шаг перед началом операции: ему нужно «узнать» о существовании Лоу Чжо.

Формально Цзянь Иян прекрасно понимал своё место двойника. Но по сюжету злобный второстепенный персонаж должен пребывать в блаженном неведении и упиваться своим положением — и лишь теперь «почувать» угрозу.

Поморщившись от боли в пояснице, он перевернулся на другой бок и нашарил на краю постели телефон.

Огромная кровать сейчас была в его полном распоряжении — занятой президент Хо, едва разобравшись с делами, тут же ушёл. В тихой пустой комнате брошенный человек вдруг казался неожиданно одиноким.

Цзянь Иян несколько не удивился его уходу. Без настоящей любви не стоит рассчитывать на нежность после близости: справил нужду и ушёл — это норма. Что до лёгкого поцелуя в лоб, который он перед этим получил, — Цзянь Иян решил, что Хо Фэн просто на мгновение спутал его с Лоу Чжо. Ради этого двойник и существует. Всё логично.

К тому же Цзянь Иян вовсе не считал своё положение поводом для грусти.

Огромная кровать только для него — это разве плохо? Не будь его нынешнее состояние таким плачевным, он бы вовсе катался по ней, торжествуя отвоёвываемый каждый сантиметр.

Поймав телефон, Цзянь Иян было попытался сесть — и тут же бросил эту затею, плюхнувшись обратно соляной рыбой.

Он открыл мессенджер и принялся методично листать ленту в поисках нужного. Прежде чем глаза окончательно не вытекли, среди мешанины чужих постов ему наконец удалось нащупать нужную ниточку.

По-хорошему, такой поиск куда эффективнее поручить системе — та справилась бы мгновенно, не в пример ручному просмотру. Но система как раз сейчас пребывала в режиме упорного молчания.

Вчера ночью, когда Цзянь Ияна во второй раз вышвырнули в пространство сознания — тёмную каморку, — он решил, что на фильм времени не хватит, и запустил новую игру. Стратегия в реальном времени на двоих, раньше не пробовал: система подключилась напарником, и они полные энтузиазма ринулись в бой. А дальше — полный провал. Система была убеждена, что её расчёты безупречны и любой предложенный ею план — единственно верный, а если что-то пошло не так, виноват исключительно Цзянь Иян. Сам же Цзянь Иян был твёрдо уверен, что система — натуральный искусственный тупица, который штампует схемы, физически

невозможные для исполнения.

Союзнический кораблик накренился и пошёл ко дну. Едва за пределами каморки всё закончилось, система вышвырнула его наружу — пожалуй, бесцеремоннее, чем иной главный герой избавляется от ненужного двойника. С тех пор человек и система пребывали в холодной войне, и Цзянь Иян не собирался первым сдавать позиции ради такой ерунды.

Но он ведь и сам справился, верно?

Из глубин сознания донеслось что-то похожее на приглушённое фыркание. Цзянь Иян и ухом не повёл.

Кто первый сдастся — тот проиграл. Следующего визита в тёмную каморку он ждал с нетерпением: посмотрим, сменит ли система наконец свой вечный облик на что-нибудь другое. У нормальных систем — яркие, разнообразные, симпатичные обличья. А его так и торчит в образе светящегося шара по умолчанию. Скукотища.

Система:!!!!

Пережившая с носителем уже столько миров, система после этих слов окончательно вышла из себя: *после всего, что мы прошли вместе, — ты думаешь о чужих системах?!*

Цзянь Иян: [Нет, я совсем не то имел в виду...]

Но система уже не слушала — закрыла канал связи и ушла в добровольное затворничество.

Цзянь Иян, почуявший, что дело принимает нехороший оборот: [...]

Ладно, он всего лишь хотел, чтобы его система сменила виртуальный облик! Несправедливо.jpg

После этого маленького театра Цзянь Иян ощутил себя тем носителем, которому чужое всегда кажется слаще своего. Незаслуженная репутация.

Что ж, мирить систему сейчас всё равно бесполезно — та ещё в самом разгаре обиды. Поразмыслив секунду, Цзянь Иян отложил это на потом и вернулся к прерванному делу.

Скриншот записи — открыть переписку — отправить сообщение. Три движения, одно за другим.

Цзянь Иян: [Кто вернулся?!]

Автором злополучного поста оказался Цай Чжэньюй — один из прихвостней Хо Фэна ещё со школьных времён.

Этот типичный прожигатель жизни из богатой семьи под давлением родителей был вынужден взвалить на себя семейный бизнес. Его лента состояла примерно из восьми постов из десяти, в которых он стонал о тяжёлой доле: фотография вечернего городского пейзажа (даже не ночного — просто вечер) с подписью о сверхурочных, а рядом на обочине красуется сверкающий новенький лимитированный «Порше».

Прочитав несколько таких постов, Цзянь Иян искренне опасался за него: этому человеку стоило бы закрыть ленту от подчинённых, пока кто-нибудь из них не поймал его в тёмном переулке и не отходил мешком по голове.

Хотя Цай Чжэньюй делал это не со злым умыслом.

У него просто не было мозгов для таких тонкостей.

Если говорить честно, Цай Чжэньюй смотрелся белой вороной среди отточенной элиты в окружении Хо Фэна — в одиночку тянул общий уровень на дно. Цзянь Иян не раз задавался вопросом: как этот человек вообще пробился в ближний круг главного героя? Судя по всему, напором и полным отсутствием способности замечать, что его не хотят видеть.

Сообщения, отправленные Хо Фэну, тот обычно игнорировал. С прихвостнями такой проблемы не возникало — а с Цай Чжэньюем тем более. К тому же тот явно сейчас «работал».

Вот только у Хо Фэна рабочее время означало полную сосредоточенность и никаких отвлечений (читай: никакого надоедливости Цзянь Ияна). У Цай Чжэньюя же «работа» и «ничего неделание» были синонимами — уравнение, справедливое при любых обстоятельствах.

Стоило Цзянь Ияну отправить сообщение, как тут же пришёл ответ: [Брат Цзянь? Что случилось? О ком вы?]

Скорость ответа — разительный контраст с его боссом. Хо Фэн на «лирические излияния» Цзянь Ияна — они же повседневное нытьё — не реагировал почти никогда. Не будь у того уведомлений — Цзянь Иян уже давно решил бы, что угодил в чёрный список.

Только ответив, Цай Чжэньюй сообразил открыть прикреплённый скриншот.

Увидев, что на нём изображено, он поперхнулся. Закинутые на стол ноги самопроизвольно съехали вниз; рефлекторный толчок запустил цепную реакцию — кресло дёрнулось назад, Цай Чжэньюй вытянулся неловкой дугой: верхняя часть туловища откинулась на спинку уезжающего кресла, пальцы ног судорожно цеплялись за ручку ящика стола — и лишь поясница на весу кое-как удерживала всю эту конструкцию от немедленного краха.

Но человек — не кот и не жидкость, умеющая принимать любую форму. Высокое искусство Цай Чжэньюя продержалось недолго: кресло продолжало скользить по инерции, и в какой-то момент силы его оставили.

Раздался громкий «бум» — и он со всего размаху рухнул на пол.

<http://bllate.org/book/18326/1759926>